

Привязанность — это вам не поводок и даже не веревка, это вязанка дров, которую вы тащите на спине, в надежде развести огонь, но хватит ли его, чтобы согреться...

Мы же словно дворовые собаки, сильнее привязываемся к тем, кто нас недолюбливает. Так и живем, пока в один жуткий день не обнаружим, что привязаны за поводок к столбу.

* * *

Шарль вышел из кинотеатра, достал сигарету и закурил. В Булонском лесу его чувств было спокойно как никогда. Мужественное лицо, пережившее не одно падение нравов, скачков курса душевных акций и обмена валюты ценностей, выражало полное безразличие к этому миру, даже когда рядом проехал грузовик. Это был другой Шарик, который уже никогда не сможет броситься за ним с весёлым лаем выгонять накопившиеся эмоции и гормоны. «Куда всё ушло?» — подумал пёс. Он поправил рыжий меховой воротник чёрного пальто, на котором благородная проседь блестела серебром благополучия, и

медленно двинулся в сторону дома. Жизнь, какой бы она ни была собачьей, всё же удалась.

* * *

— Дорогу! Дорогу!

Я поднял глаза, навстречу ко мне двигалась сама весна. Дружно и громко. Зеленая клумба, скорее даже Газон, вдруг сорвавшийся с ручника, сметал с пути застывшее, застоявшееся, ненужное. Зима в виде пуховиков и пальто уступала. Весна шла южными ногами. Средняя Азия толкала тележку, груженную зеленью, которая оставляла после себя свежий шлейф укропа, кинзы и тархуна. Весна наступала с Востока, она тонко прорастала во всем и во всех.

Рядом с Кузнечным рынком — особенно плодородно. Как настоящий кузнец, рынок ковал весну, и каждый уходя мог захватить с собой пучок весны, а может быть даже кусок лета. Сунул в пакет зелени, помидоров, клубники и пошел греться.

Здесь, на Владимирской, город звенел буднями вызывающе, базар был тем неуто- мимым дизелем, от которого люди получали энергию. Говорили все: машины, прохожие, двери, телефоны, деревья, птицы... Все о своем. Эта какофония, изъятая у различных инструментов, создавала впечатление вели- кого хаоса, из которого в конце концов что-то должно было родиться. Гений, благодетель, злодей или беспородная помесь того и дру- гого, в зависимости от настроения. Каждый день город-оркестр играл одну и ту же ме- лодию: в будни концерт начинался в шесть утра, когда свет еще был привязан к столбам, с наполняющих улицы авто; в выходные му- зыканты приходили позднее, где-то в девять. Медленно, вальяжно они доставали из чех- лов свои инструменты, долго настраивались, чтобы наконец дунуть, создать какой-ника- кой ветер. Стоило только прислушаться, как звуки — режущие, колющие, шипящие — начинали бить барабанную дробь в мои пе- репонки. Обрывки чужих разговоров, слов- но обрывки газет, считывались и пропадали мгновенно.

— А тебе слабо со мной поговорить? По душам. С глазу на глаз.

Не было бы ничего странного в этой случайно упавшей в мою раковину реплике, ее бы смыло скоро другими, если бы не человек. Всегда забавно смотреть на человека с гарнитурой, который болтает сам с собой, по душам. Монолог — он всегда выглядит искренне.

— Огурцов и помидоров? Хорошо. Что-нибудь еще? Я понял — свежих, — это серое пальто получало рекомендации, видимо, от жены, потому что не заметило лужу и прошло по ней, как посуху. Весна — это время, когда возомнившая себя вода снова становится водой. И только человек остается человеком. Он решителен, он послушен, он непотопляем. Его лакированные туфли, словно рыбки, ныряли и выпрыгивали вновь, пока не пересекли океан. Пример обычного бытового вдохновения. Пример для всех, но не для меня, так как не было у меня никакой жены, кроме бывшей. Я пошел бережком, вслед за двумя дамами, которые еще не прошли в дамки и ходили пешком.

Слух мой уже начал разбор предложений на слова, что несли они с собой, и скоро я мог узнать, чем дышат дамы весной, но в этот момент в симфонию вступила звонница собора, словно кто-то великий начал играть в колокольчик в беспокойных покоях города, с каждым взмахом проникая все глубже в самую душу, вызывая слуг на службу.

От звона воздух стал еще свежее и прозрачнее, захотелось закурить. Делал я это редко, потому что бросил. Бросил, но не завязал окончательно, как это часто бывает в отношениях. Затягиваешь это дело, словно вредную привычку, травмишься и продолжаешь бросать, словно это доставляет тебе удовольствие.

* * *

Я вышел из магазина, держа в руках пачку сигарет. Остановился возле массивной урны для мусора и стал медленно тянуть за ленточку, на которую была закрыта пачка. Скомкал целлофан и бросил в урну.

Рядом с ней, выискивая чей-то след, одинокий лохматый пес поднял глаза и посмотрел в мои очень трогательно. Как не всякий окулист, прямо на самое дно моих яблок. Его средиземноморские не моргали.

«Курить будешь?» — не знал я, с чего начать знакомство.

«Я не курю», — повела мордой собака.

«Это правильно», — открыл я пачку и достал сигарету. Пес внимательно наблюдал за моими руками.

«Голодный?» — послал я ему мысленно вопрос.

«Спрашиваешь», — ответил он мне короткой эсэмэской.

«Жди здесь», — указал я ему пальцем и снова зашел в магазин.

* * *

Пока я стоял в мясном отделе, в голове крутилась собака, которую я когда-то всерьез хотел завести. Я листал справочники по кинологии заранее, чтобы не как после же-

нитьбы, когда мы послесловием изучаем роскопы, сваливая все на звезды. Сначала моему мягкому характеру выпал спаниель. Оказывается, он, несмотря на всю свою пушистость, лидер по развлечению. Жену, детей, скуку — их надо развлекать постоянно. Так думал я, но спаниель, хоть и нравился мне своими добродушными кучеряшками, никак не встраивался в мою концепцию верного друга.

Я склонялся к сторожевым, все-таки дом, его надо охранять, особенно в мое отсутствие. Овчарку? Она бы напоминала мне соседку. Лабрадора? А где взять столько чувств? На жену-то не хватало, по ее словам. Кавказца, среднеазиата? Слишком популярны, их на каждом углу. Кане-корсо, фила-бразилейро? Этими нужно заниматься серьезно, иначе можно потерять лидерство. Заниматься не было времени. В итоге остался без собаки, а потом и без жены. Договаривались остаться друзьями, но куда там! Кому нужны такие друзья? Ни ей, ни мне.